

Александр Топал

VATICAN

Александр Топал

Ватикан

<https://litres.ru/74681947>

SelfPub; 2026

Аннотация

****«Ватикан» — шпионский триллер Александра Топала.****

В Сикстинской капелле, на глазах у десятков туристов, внезапно умирает Анна Самсонова — российская учёная, сотрудничавшая с американскими спецслужбами. Её смерть становится началом опасного международного расследования.

В Рим прибывают агенты ФБР, представители российских спецслужб и следователи, у каждого из которых свои цели и тайны. Чем ближе они подбираются к истине, тем больше вопросов возникает. Кто стоял за загадочной встречей в Ватикане? Куда исчезла папка с секретными документами? И почему свидетели начинают погибать один за другим?

На фоне предательства, политических интриг и смертельной опасности рождается любовь, которой, возможно, не суждено пережить эту игру.

Здесь никому нельзя доверять до конца. Даже тому, кого любишь.

****«Ватикан» — история о тайнах, за которые убивают, и людях, которые готовы умереть ради правды.****

Хоть кто-нибудь выйдет живым из этой игры?

Александр Топал

Ватикан

Ваѣикан

Глава первая. Задание

Штаб-квартира ЦРУ при посольстве США в Риме

Via Vittorio Veneto, 121, Рим

21 апреля 2025 года

В письме было всего несколько строк.

Именно это насторожило начальника резидентуры сильнее, чем если бы неизвестный прислал подробное изложение своих намерений, перечень требований и доказательства собственной осведомлённости. Люди, которые действительно владели чем-то ценным, редко тратили слова попусту. А люди, которые хотели обмануть разведку, обычно говорили слишком много.

На экране компьютера сообщение выглядело почти неприлично простым. Ни подписи, ни обратного адреса, ни объяснений. Только сухое предложение, будто речь шла о передаче забытого портфеля в гостиничном холле.

«Готов передать папку с документами, составляющими государственную тайну Российской Федерации, гражданке США Самсоновой А. Н. в Ватикане, в Сикстинской капелле, в воскресенье, 4 мая 2025 года, с 12:00 до 13:00.

С вашей стороны требуется гарантированная аноним-

ность. Если будет наблюдение или преследование, курьер документы не получит.

Самсонова А. Н. лично знает меня в лицо. Пароли и прочая чепуха не нужны.

Надеюсь, это поможет вам.

Доброжелатель».

Начальник резидентуры перечитал сообщение дважды. Затем посмотрел на часы. Было ровно двенадцать по римскому времени.

Он не любил слово «доброжелатель». В нём было что-то театральное, почти насмешливое. Так мог подписаться человек, который не желал оставлять имя. Или тот, кто хотел, чтобы адресат задумался именно об этом.

— Распечатайте, — сказал он сотруднику у соседнего стола. — И никуда больше не пересылайте, пока я не посмотрю заголовки.

— Уже проверяем маршрут сообщения.

— Проверяйте. Но не делайте вид, что маршрут даст нам ответ.

Он поднялся, подошёл к окну и отодвинул край жалюзи. На улице шла обычная римская жизнь: скутеры лавировали между автомобилями, у кафе разговаривали люди, туристы фотографировали фасады, не подозревая, сколько чужих решений принимается в зданиях, мимо которых они проходят. Солнце отражалось в стёклах, и город казался спокойным до неправдоподобия.

В Риме тайна легко терялась среди тысячелетий чужих тайн.

Начальник резидентуры вернулся к столу.

— Самсонова, — произнёс он негромко. — Почему именно она?

Сотрудник не ответил. Он уже знал, что вопрос задан не ему.

* * *

К полудню сообщение ушло по закрытому каналу в Соединённые Штаты. В Маклине, штат Вирджиния, его распечатали на бумаге и положили на стол директора Центрального разведывательного управления. Электронная версия занимала несколько строк; бумажная выглядела ещё короче. На листе оставалось слишком много пустого места — словно автор специально оставил его для вопросов, которые не собирался объяснять.

В девять утра по местному времени началось совещание Восточного отдела. Дверь переговорной закрыли. Телефоны остались за пределами комнаты. На длинном столе лежали папки, а на стене не было ни карт, ни привычных схем: только экран с текстом письма.

Директор не стал предлагать участникам кофе и не начал с формальностей. Он положил ладонь на лист.

— Что у нас по Самсоновой Анне Николаевне?

Руководитель направления по России открыл папку, но не сразу заговорил. В комнате сидели люди, привыкшие оцени-

вать не только сказанное, но и паузы между словами. Заминку заметили все.

— Она находится под нашей защитой с две тысячи двадцать второго года. В документах прикрытия — гражданин Соединённых Штатов. Место проживания — Вирджиния. Сотрудничает с управлением. До переезда работала в российском научном учреждении, занималась исследованиями в области вирусологии.

— Это мы знаем, — сказал директор. — Я спрашиваю, почему неизвестный выбирает именно её.

— Потому что знает её лично. Так утверждает автор письма.

— Автор утверждает много чего. Вопрос в том, что из этого правда.

Директор поднял глаза на остальных.

— Мы не знаем ни автора письма, ни того, существуют ли документы. Не знаем, почему он выбрал Ватикан и что значит «Самсонова знает меня в лицо». Зато он уверен, что заставит нас действовать по своим правилам.

— Если это провокация, — заметил один из сотрудников, — она рассчитана на то, чтобы мы вывели Самсонову из под привычного наблюдения и доставили её в место, которое выбрал неизвестный.

— Верно.

— Тогда мы не должны отправлять её.

— А если документы настоящие? — спросил руководи-

тель направления по России. — Мы откажемся от сведений, к которым у нас нет доступа, лишь потому, что встречу назначил неизвестный?

— Мы не обязаны отказываться, — ответил директор. — Но обязаны понимать, чем рискуем.

Он отодвинул письмо и открыл досье. На первой странице была фотография молодой женщины. Нейтральный фон, прямой взгляд, волосы убраны от лица. Ничего примечательного — если не считать того, что фотография не передавала ощущения человека, которого невозможно заставить забыть увиденное.

— Давайте начнём с самого начала. И без сокращений, которые скрывают неудобные подробности.

Секретарь раздала участникам совещания копии личного дела.

* * *

Досье Самсоновой Анны Николаевны

Родилась в Санкт-Петербурге 14 октября 1990 года. Отец — Николай Григорьевич Самсонов, офицер органов государственной безопасности, погиб в мае 2008 года в Чечне при обстоятельствах, которые не были полностью прояснены для семьи. Похороны состоялись в закрытом гробу. Мать — Вероника Сергеевна Самсонова, урождённая Левицкая, умерла в 2020 году в начале пандемии.

Школу окончила с золотой медалью. В 2007 году поступила на биологический факультет Московского государствен-

ного университета, кафедра вирусологии. Дипломная работа посвящена молекулярно-генетическому анализу изолятов флавивирусов, циркулировавших на территории Российской Федерации. В 2012 году получила диплом с отличием.

После окончания университета принята младшим научным сотрудником в Федеральный научный центр исследований и разработки иммунобиологических препаратов имени М. П. Чумакова РАН. Через пять лет, после защиты диссертации, получила должность научного сотрудника и была допущена к закрытым разработкам.

Отмечена феноменальная память. Способна воспроизводить значительные объёмы увиденной информации с высокой точностью. Знает английский, итальянский и португальский языки. Интересуется искусством, посещает выставки и музеи.

В 2020 году, после смерти матери, завербована источником управления под кодовым номером 923-349. Первого июля 2022 года при содействии американских спецслужб нелегально покинула Российскую Федерацию через грузинский канал. Передала документы, содержащие сведения, отнесённые российской стороной к государственной тайне. Впоследствии включена в программу защиты свидетелей, получила новые установочные данные и гражданство США.

С российской стороны числится пропавшей без вести. Российское гражданство формально не утрачено. Родственников, поддерживающих связь с ней, не выявлено. Не заму-

жем. Встречается с молодым предпринимателем, не связанным, по имеющимся данным, с американскими спецслужбами.

Постоянно находится под неофициальным наблюдением управления.

* * *

Когда последняя страница оказалась на столе, никто не заговорил сразу. В таких комнатах молчание редко означало отсутствие мыслей. Скорее, каждый пытался определить, какая мысль опаснее остальных.

— Отец — сотрудник госбезопасности, погибший при неясных обстоятельствах, — сказал один из аналитиков. — Мать умерла в начале пандемии. Через несколько месяцев после этого Самсонова становится нашим источником. Возможно, личная трагедия сделала её уязвимой.

— Возможно, — ответил директор. — А возможно, вы слишком торопитесь объяснить её решение психологией. У нас нет права считать человека предсказуемым только потому, что у него умерли близкие.

— Её завербовали в две тысячи двадцатом, — напомнил руководитель направления. — Она не просто принесла нам документы. Она согласилась покинуть страну и начать жизнь с нуля.

— И теперь кто-то знает, где её найти.

Последняя фраза прозвучала тише остальных, но именно после неё участники вновь посмотрели на письмо.

— Если автор знает её лично, — сказал аналитик, — он мог быть связан с её прежней работой. Или с отцом. Или с теми событиями, после которых она согласилась сотрудничать.

— Три версии, — отозвался директор. — И ни одной зацепки, позволяющей выбрать.

— У нас две недели до встречи.

— У нас тринадцать дней до того момента, когда придётся решить, отправляем ли мы её туда. Не путайте календарь с возможностью подготовиться.

Он повернулся к руководителю направления по России.

— Что вы можете сказать о её мотивах?

Тот перелистнул несколько страниц.

— По материалам бесед, решение было связано не только с деньгами или идеологией. Она считала, что в учреждении происходит нечто, о чём ей не сообщают всей правды. После смерти матери стала более замкнутой. При этом не производила впечатления человека, который действует сгоряча. Наоборот, она долго наблюдала, сопоставляла факты и лишь затем согласилась на контакт.

— То есть она могла знать, что делает, — сказал директор.

— Да.

— И могла ошибаться.

— Да.

— Хорошо. Значит, мы не будем ни героизировать её, ни считать пешкой. Нам нужен человек, а не легенда, которую

мы сами себе сочинили.

Он закрыл досье, но фотографию оставил перед собой.

— Подготовьте отдельную оценку рисков. Проверить возможные связи автора письма с прежним окружением Самсоновой. Не пытаться устанавливать контакт с предполагаемым курьером. Никаких самостоятельных действий на месте. И самое главное: до принятия решения не сообщать Самсоновой содержание письма.

— Почему? — спросил один из участников. — Если она его знает, её реакция может помочь установить личность.

— Именно поэтому. Мы не знаем, что произойдёт, когда она увидит его имя или лицо. А если неизвестный рассчитывает на её реакцию, любое наше предупреждение может изменить условия встречи.

— Но она должна согласиться на поездку.

— Разумеется. Мы не повезём её в Ватикан против воли. Сначала выясним, что она готова сделать и что помнит о людях, оставшихся в России.

Директор сделал паузу.

— И не забывайте: неизвестный назначил не просто место. Он назначил место, в котором любой наш шаг будет замечен. Сикстинская капелла — не пустой склад, куда можно привести человека и закрыть дверь. Там всегда есть посетители, сотрудники, охрана, камеры и тысячи случайных свидетелей. Если кто-то хочет остаться невидимым, почему он выбирает такое место?

— Возможно, потому что знает, что мы не сможем контролировать пространство, — ответил аналитик.

— Или потому, что именно там Самсонова должна увидеть его.

— Тогда он контролирует не место. Он контролирует её. Директор посмотрел на говорившего.

— Вот это и следует проверить.

* * *

Анна Николаевна Самсонова жила в Вирджинии уже почти три года, но иногда просыпалась с ощущением, что всё ещё находится в прежней квартире. В первые секунды после пробуждения память возвращала не стены и мебель, а звуки: гул старого лифта, шаги на лестничной площадке, далёкий шум машин за окном. Затем приходило понимание — это не её прежний дом, не её прежняя страна и не её прежняя жизнь.

Она научилась не задерживаться на таких мгновениях. В новой жизни полезно было не вспоминать слишком долго.

У неё было новое имя в документах, новый адрес, привычка проверять отражения в витринах и не рассказывать о себе больше, чем требовал разговор. Ей говорили, что наблюдение необходимо для её безопасности. Иногда она верила в это безоговорочно. Иногда ей казалось, что безопасность — просто другое название клетки, если ключ от двери хранится у кого-то другого.

Она не считала себя жертвой. Так можно было бы снять

с себя ответственность. В какой-то момент она сама сделала выбор, и никто не мог отнять у неё ответственность за него. Но выбор не отменял цену. Её прошлое осталось по ту сторону границы, а будущее оказалось связано с людьми, которым она не могла доверять полностью.

Она привыкла к одиночеству. Оно было не таким страшным, как воспоминания, которые возвращались без предупреждения. Иногда память казалась ей наказанием. Она могла забыть запах незнакомого города, если не старалась его удержать, но не могла выбросить из головы страницу документа, случайную фразу или выражение лица человека, который однажды солгал ей.

Особенно хорошо она помнила лица.

Это качество отмечали ещё в университете. Сначала преподаватели считали его полезной особенностью, затем коллеги начали шутить, что Анне достаточно один раз увидеть человека, чтобы узнать его через десять лет. Сама она не любила эту способность. Лицо сохранялось в памяти не как фотография, а как совокупность мельчайших признаков: линия рта, привычка чуть наклонять голову, асимметрия бровей, взгляд, который задерживался на собеседнике на долю секунды дольше необходимого.

Люди думали, что она всё помнит, потому что обладает необычным умом. Они не понимали, что некоторые вещи она предпочла бы забыть.

В тот день она собиралась провести несколько часов в му-

зее. Ей нравилось смотреть на картины без необходимости объяснять, почему именно они привлекают её внимание. В искусстве не всё требовало ответа. Иногда достаточно было стоять перед полотном и чувствовать, как собственная жизнь на короткое время перестаёт быть единственным предметом размышлений.

Телефон завибрировал.

Сообщение было коротким: её просили прибыть на встречу в назначенное время. Без объяснений, без деталей. Анна прочитала текст один раз, затем второй. Она не удивилась вызову — подобные просьбы возникали и раньше. Но формулировка показалась ей необычно осторожной. Словно отправитель хотел сообщить нечто важное и одновременно оставить себе возможность отрицать, что сообщал что-либо вообще.

Она положила айфон на стол.

За окном двигались облака. На соседнем доме медленно ползла тень от дерева. В обычный день Анна могла бы запомнить этот рисунок, не прилагая усилий. Теперь же она смотрела на него и думала о том, сколько людей в мире способны одним сообщением вернуть человека в прошлое.

Она ещё не знала, что именно ей собираются предложить. Не знала и того, что в Риме уже лежит письмо с её именем. Но тревога возникла раньше объяснения.

* * *

В Маклине совещание подходило к концу. Участники уже

собрали бумаги, однако директор не позволил им встать.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он. — В письме автор не просит денег, убежища, гарантий для семьи или вывоза из страны. Он не предлагает доказательства подлинности документов. Он не требует предварительного разговора. Он требует только одного: чтобы мы не наблюдали за ним и не преследовали его.

— Он понимает, что это условие невозможно гарантировать, — заметил руководитель направления.

— Тогда зачем его выдвигать?

— Чтобы проверить, подчинимся ли мы.

— Или чтобы заставить нас выбрать между документами и контролем, — сказал другой сотрудник.

Директор медленно кивнул.

— И ещё. Он называет Самсонову гражданкой США. Не источником, не бывшим сотрудником российского института, не человеком под защитой. Только гражданкой США. Возможно, это формальность. Возможно, намеренная деталь. Но автор знает, какую роль она играет в нашей системе.

— Он может знать и гораздо больше.

— Да. И пока мы не выясним, насколько больше, ни одно предположение не должно становиться решением.

Он снова взял фотографию Самсоновой. На снимке Анна смотрела прямо в объектив, не улыбаясь. В её лице не было ни вызова, ни покорности. Только спокойствие человека, который привык оценивать собеседника прежде, чем отвечать.

— Кто-нибудь из вас встречался с ней лично? — спросил директор.

Руководитель направления ответил:

— Я — дважды. Она осторожна, но не производит впечатления человека, который боится каждого встречного. Она внимательно слушает, задаёт точные вопросы и редко говорит лишнее.

— А когда ей задают вопрос, на который она не хочет отвечать?

— Она отвечает на другой.

Несколько человек усмехнулись, но директор остался серьёзен.

— Значит, она умеет защищаться. Это хорошо. Но защита иногда мешает заметить опасность.

Он вернул фотографию в папку.

— Организуйте встречу с Самсоновой. Не сообщайте ей деталей письма. Скажите, что поступила информация о возможном контакте с человеком из её прошлого. Посмотрим, что она скажет сама. Руководитель Восточно-Европейского отдела будет отвечать за подготовку операции и докладывать мне лично. Каждый этап — только после согласования.

— Кодовое название? — спросил секретарь.

Директор взглянул на письмо, лежавшее поверх досье.

— «Ватикан».

Слово повисло в тишине переговорной. Оно прозвучало не как название места, а как название задачи, у которой уже

были свои правила и свой неизвестный автор.

— Есть возражения? — спросил директор.

Никто не ответил.

— Тогда работаем.

* * *

Через несколько минут участники разошлись. Дверь за последним закрылась, и в комнате остались директор и руководитель направления по России.

— Вы считаете, что она согласится? — спросил руководитель.

— Если решит, что встреча связана с её прошлым, — вероятно.

— А если она откажется?

— Тогда мы будем выяснять почему. Не подталкивать её к ответу, который нам удобен.

Руководитель помедлил.

— Есть ещё одно обстоятельство. Если человек действительно знает её лично, он мог наблюдать за ней до отъезда. Или получить сведения уже после.

— Вы говорите, будто это разные варианты.

— Первый означает, что он был рядом с ней в России. Второй — что у него есть доступ к информации о нашей программе.

Директор не ответил сразу. Он вновь посмотрел на распечатку. В коротком письме не было ни одной угрозы, ни одного обещания, ни одной подробности, по которой можно бы-

ло бы оценить намерения автора. И всё же оно уже заставило управление созвать совещание, поднять досье и готовиться к поездке в Ватикан.

Неизвестный добился первого, чего хотел: теперь американцы думали о нём.

— Проверяйте обе версии, — сказал директор. — И третью тоже.

— Какую?

— Что он хочет, чтобы мы решили, будто всё дело в Самсоновой.

Руководитель нахмурился.

— А если дело не в ней?

— Тогда она может оказаться единственным человеком, который способен привести нас к настоящей цели.

Он встал. Совещание было закончено, но решение, которое предстояло принять, только начинало обретать форму.

За океаном, в Риме, анонимное письмо уже перестало быть просто письмом. Оно стало операцией, у которой имелось название, дата и место встречи. Не было лишь главного — понимания, кто именно назначил правила.

* * *

Вечером Анна вернулась домой позже, чем планировала. Она не могла бы объяснить, почему задержалась в музее: картины не давали ответов, но рядом с ними хотя бы не требовалось отвечать самой. В квартире было тихо. Она поставила сумку у двери, сняла пальто и посмотрела на телефон.

Новое сообщение.

«Завтра. Время уточним отдельно. Будьте готовы к разговору о Риме».

Анна прочитала его несколько раз.

Рим.

Слово не должно было вызывать ничего, кроме воспоминаний о поездках, музеях и старых улицах. Она бывала там раньше, ещё до того, как её жизнь разделилась на «до» и «после». Но в сообщении не было ни названия учреждения, ни имени отправителя. Только город — и обещание разговора.

Она подошла к окну. На стекле отражалось её лицо, а за ним темнел вечерний двор. На мгновение отражение показалось ей чужим: женщина с новым именем, в чужой стране, с прошлым, которое не помещалось ни в один официальный документ.

Анна коснулась пальцами холодного стекла и тут же отдернула руку.

Она не знала, что именно её ждёт. Не знала, кто отправил сообщение. И всё же в глубине памяти уже шевельнулось что-то, чему она давно запретила подниматься на поверхность.

Не имя. Не голос. Лицо.

Лицо человека, которого она не должна была увидеть снова.

Она закрыла глаза, пытаясь удержать воспоминание на расстоянии. Но память не подчинялась приказам. Она вер-

нула ей взгляд, едва заметный изгиб губ и выражение, которое Анна когда-то приняла за спокойствие.

Теперь она понимала: это могло быть предупреждение.

Телефон оставался на столе. Экран погас, и в комнате стало темнее.

В это же время в Риме начальник резидентуры получил короткий ответ из Маклина: операцию предварительно взять в разработку, любые контакты с Самсоновой согласовывать отдельно. Сообщение было подписано электронной меткой, не содержащей ничего необычного. И всё же он перечитал его, прежде чем закрыть окно. В разведке настаивают и ошибки, и безупречное следование процедуре — особенно если кто-то мог заранее просчитать каждую реакцию.

Он попросил сотрудника принести исходный файл письма, а не распечатку. Текст открыли на отдельном мониторе. Специалист по техническому анализу сообщил, что доступные заголовки не позволяли установить личность отправителя. Следов очевидной подделки не обнаружили, но и подтвердить происхождение сообщения не смогли. Это был тот самый неудобный результат, который ничего не доказывал и потому оставлял слишком много возможностей.

— Значит, автор умеет пользоваться почтой, — сказал начальник резидентуры.

— Или кто-то сделал это за него.

— Анонимность можно купить. Молчание — тоже. Но зачем человеку, который хочет передать государственную тай-

ну, начинать с требования, чтобы мы не делали того, что делаем всегда?

Специалист пожал плечами. Он не был обязан отвечать на вопросы, для которых не существовало данных.

Начальник резидентуры снова посмотрел на дату встречи. Четвёртое мая. Воскресенье. Полдень. Один час — и ни минуты больше. Условия напоминали не предложение о сотрудничестве, а ловушку, тщательно замаскированную под шанс. Но ловушки тоже иногда содержали настоящую приманку. И иногда приманка была настолько ценной, что отказаться от неё означало проиграть ещё до начала игры.

— Подготовьте перечень вопросов для первой беседы с Самсоновой, — распорядился он. — Только не превращайте её в допрос. Если она почувствует, что мы уже приняли решение за неё, мы не узнаем ничего полезного.

— А если она сразу спросит, кто прислал письмо?

— Тогда мы ответим правду: пока не знаем.

Сотрудник ушёл. Начальник резидентуры остался один перед экраном. Он мог бы назвать происходящее обычной проверкой источника, но это было бы самообманом. Впервые за долгое время неизвестный человек не просил у американцев помощи. Он предлагал им возможность — и одновременно объяснял, на каких условиях они имеют право ею воспользоваться.

В другой части мира Анна Самсонова пыталась убедить себя, что тревога не означает опасности. Она знала, как лег-

ко разум достраивает картину из отдельных деталей. В лаборатории именно так рождались ошибки: сначала предположение, потом отобранные под него факты, а в конце — уверенность, которую уже никто не хотел проверять. Она всегда старалась не поддаваться этому соблазну.

Но на этот раз у неё не было ни образцов, ни результатов анализов, ни возможности повторить наблюдение. Было только сообщение о Риме и воспоминание, которое она не сумела подавить.

Она открыла шкаф, где лежали вещи, привезённые из прежней жизни. Большинство из них давно утратили практический смысл: старые записные книжки, несколько книг, конверт с фотографиями. Она почти никогда не доставала их. Не потому, что боялась прошлого, а потому, что не хотела превращать его в единственное доказательство собственного существования.

На одной фотографии она была моложе, волосы убраны назад, лицо освещено резким летним солнцем. Рядом стоял человек, которого камера поймала лишь в профиль. Одного взгляда хватило, чтобы вспомнить лицо и собственную реакцию в тот день: странное чувство, будто разговор закончился раньше, чем начался.

Она убрала фотографию обратно. Если память не обманывала, этот человек не мог появиться снова. Но допустить ошибку означало усомниться в единственном даре, на который Анна привыкла полагаться.

Впервые за долгое время Анна подумала не о том, кто следит за ней, а о том, кто мог ждать её возвращения.

В Маклине директор ещё раз открыл фотографию. На этот раз он смотрел не на лицо, а на подпись под снимком: дата, место, номер файла. Всё было обыкновенным, проверенным, почти скучным. Именно поэтому он задержал взгляд. В подобных делах опасность редко выглядела опасностью с самого начала. Чаще она приходила в виде мелкой детали, которую все видели, но никто не считал достойной внимания.

Он закрыл папку и выключил экран. Теперь у операции было название, ответственный руководитель и предварительный план. Но у неё не было главного — надёжного понимания, кто находится по другую сторону письма. А значит, всё, что они собирались делать дальше, могло оказаться не подготовкой к встрече, а исполнением чужого сценария.

До встречи в Ватикане оставалось тринадцать дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.